

Дружелюбная, пусть и дразняще-прямая атмосфера тихого двора в тот же миг этой новостью была разрушена: на каждом лице появилось ожесточенное выражение. Теперь вновь стоило вспомнить о серьезных делах и проблемах, в которые присутствующие тут люди невольно ввязались.

Словно не замечая напряжения, которое он вызвал своим появлением, Фэн Жун быстро вышел на веранду, сел на край кушетки Ли Инчуня, бесстыдно подвинув его здоровую ногу и, склонившись к друзьям в доверительном жесте, начал рассказывать:

— Об этом говорит сейчас вся столица, и даже Его Величество на утреннем собрании вопреки обыкновению не стал спрашивать с Сяоху Даня доклад о делах торговой гильдии, хотя обычно всегда его требует — ему о произошедшем тоже уже известно. Вчерашней ночью неизвестные пробрались мимо всей охраны в поместье Сяоху, на восточную сторону. Одна из служанок госпожи Чжэн заметила их и подняла шум — ей в тот же миг перерезали горло. Пока стражники поместья пытались разобраться в том, что произошло, злодеи проникли в кабинет Сяоху Даня, перерыли его вверх дном и ринулись к комнатам госпожи Чжэн: к счастью, в тот момент все в поместье уже проснулись и преступникам осталось лишь убежать. Ни с госпожой Чжэн, ни с ее дочерьми ничего не случилось — но страху они натерпелись изрядно.

— Какой кошмар... — невольно выдохнул Чжунчу Чэн и тут же возмущенно взмахнул руками: — И это прямо в столице!

— Неужели Император это просто проигнорировал? — нахмурившись, спросил Фу Ичжэнь. Его отец по натуре своей был подозрителен и о репутации заботился больше, чем о жизни: если бы по Центральным равнинам пошли разговоры, что подданных Императора обижают прямо у него под боком, он бы плевался кровью от ярости.

— После утреннего собрания он вызвал Сяоху Даня к себе, но о чем они там говорили — неизвестно, — рассказал Фэн Жун. На лице его тоже беспокойство мешалось с возмущением. — Как вы думаете, мог ли это быть?..

— Если целью преступников был кабинет, то зачем было проникать на женскую половину? — задумчиво протянул Ли Инчунь и тут же сам ответил: — В восточное крыло в ночное время даже охранники боятся войти, чтобы не потревожить женщин: если они услышат суету, то сначала доложат господину и получают его разрешение — за это время преступники смогут пробраться в любое место дома и следа их будет уже не сыскать. Кроме того, господин Сяоху наверняка не стал бы разыскивать их по всему поместью сразу, решил лучше большую часть стражи оставить рядом с женой и детьми.

— Это хитрый ход, — задумчиво сказал Фэн Жун.

— Это часть военной тактики, которую солдаты называют «Разорение птичьих гнезд». Я готов дать руку на отсечение, что Пань Тань к этому причастен.

— Да как он может!.. — вскинулся было Чжунчу Чэн, но тут же осекся: проникновение в чужое поместье по сравнению с пытками человека в течение нескольких лет было, на самом деле, не таким уж и большим делом. Можно даже сказать, что Великий хоу сдает позиции.

Пятый принц между тем внимательно глядел на Ли Инчуня:

— Это очень серьезное обвинение.

— А еще хороший шанс польститься к Сяоху Даню, — ответил тот. — Он пребывает сейчас,

вероятнее всего, в разбросанных чувствах и не осознает, что и почему с ним произошло. Если вы, Ваше Высочество, при случае порекомендуете ему тщательно пересчитать все вещи в своем доме, то он поймет, что ничего не пропало и то были не простые грабители — господин Сяоху торговец, а значит достаточно умен, чтобы связать неприязнь Пань Таня к нему и произошедшее. В благодарность за наводку на людей, от которых ему стоит держаться подальше, он, быть может, раскроет Вашему Высочеству что-то, что не рассказывал даже жене.

— Как складно господин Ли придумал! — восхитился Фэн Жун. — Ситуация страшная, а вы и тут для нашего общего дела можете найти выгоду!

— Молодой господин очень добр, доверяя первому моему слову, — улыбнулся Ли Инчунь. — Однако не только мы быстро можем связать воедино происходящее. Надобно торопиться, чтобы успеть обернуть ситуацию в нашу пользу.

— И все же, зачем Пань Таню это? Что он хочет найти в доме Сяоху Даня? — задумчиво спросил Чжунчу Чэн и взгляды присутствующих, что чуть лучше понимали ситуацию, невольно обратились к Ли Инчуню.

Фу Ичжэнь долго раздумывал над его словами, но на следующий день, встретившись с Сяоху Данем в Императорском саду, все-таки поступил так, как просил господин Ли. Пятому принцу не хотелось потакать этому вздорному и хитрому человеку, однако он так же не мог найти изъяна в его словах: в конце концов юноша решил, что и сам придумал бы нечто подобное, просто такая мысль в голову Ли Инчуня пришла раньше.

Сначала в ответ на неискреннее беспокойство Пятого принца Сяоху Дань отвечал отрешенно и вежливо, не убирая с пухлых бледных губ деловой улыбки, а после, получив от него неожиданный совет, вдруг стал серьезнее. Из-за произошедшего дома и тревоги жены Сяоху Дань совсем забыл проверить украденное. Его не волновали драгоценности и редкие ткани: прошедший день он думал лишь о том, как бы отправить жену и детей в резиденцию за городом, чтобы оградить их от происходящего, но сомневался, будет ли это в самом деле для них безопасно. Теперь же мужчина вдруг обратил свои мысли к другим вещам.

Вернувшись домой, он приказал слугам сегодня же подсчитать все вещи в доме и сверить их с приходными книгами. До самой поздней ночи управляющий и старшие служанки от тяжелой работы обливались слезами и потом. Они выяснили, что повар на кухне подворовывал хозяйские продукты, служки до десяти лет разбили в прошлом месяце вазу в одном из дальних залов, а юная госпожа, проигравшись своей кормилице в карты, отдала ей янтарные бусы, подаренные отцом — в остальном же все многочисленное имущество Сяоху Даня оставалось на месте. Только теперь он в самом деле задумался о причинах произошедшего.

Господин Сяоху был выходцем из ремесленного квартала и свое дело построил собственными руками, трудясь день и ночь — он был упрямым и гордым человеком. Пусть многие в столице знали его как легкомысленного толстяка, любящего стихи и театр, это была лишь маска благополучия, которую позволяло использовать высокое положение. Мириться с произволом в свою сторону и безразличием Императора, который на приеме завуалированно предложил Сяоху Даню подумать о своих поступках, мужчина не желал. Он не был чист на руку, но никогда не совершал злодейств и мерзких поступков, за которые теперь должен был расплачиваться. Переполненный праведным гневом, Сяоху Дань отправился к человеку, которого вот уже несколько лет всячески поддерживал на пути к Драконьему трону — Третьему принцу.

По столице ходили разговоры, что этот сын Императора, Фу Цзянь, не обладает ни рассудительностью своего старшего брата, ни очарованием младшего. От отца ему достались разве что подозрительность и воспламеняющийся, словно стог сухой травы от слабой искры, нрав, однако были у него и незаметные положительные качества. Знающий человек выделил бы всего три из них: несмотря на свое высокое происхождение, Фу Цзянь легко сходил с самыми разными людьми; он хорошо в людях разбирался и в подчинение себе выбирал лишь самых талантливых и верных; к своей жене и наложницам Третий принц относился с холодных уважением, но в сыновьях не чаял души, всячески их баловал и в целом с детьми был бесконечно мягок. Это многим помогало терпеть его временами невыносимое поведение.

Когда Сяоху Дань вошел на верхний этаж чайной, выходящей к реке, Третий принц издали заметил его и, подняв чашку в его сторону, громко рассмеялся:

— Братец Сяоху, ты теперь из-за живота и грабителей в доме не замечаешь? Говорят, они пробрались на восточную половину, а ты лишь смотрел! Вот смех!

Люди рядом с Третьим принцем подхватили его веселье подобострастными улыбками, а Сяоху Даню осталось лишь спрятать возмущение в душе. Возможно, со стороны ситуация в самом деле выглядела комично, но он за последние дни лишился аппетита от беспокойства.

Фу Цзянь, однако, не думал, что сказал что-то не так: подзывая Сяоху Даня, он замахал рукой.

— Иди сюда, садись рядом! Эх, братец, ну и насмешил ты меня! Может, бросишь торговое дело и пойдешь ко мне в поместье рассказчиком? Серебром не обижу и семье твоей там будет куда безопаснее!

Сяоху Дань в самом деле приблизился и сел рядом с Третьим принцем. В распахнутом ханьфу, румяный от выпитого и с развязной улыбкой на лице, тот совсем не походил на возможного наследника, но выглядел без меры счастливым. Что бы не творил Великий хоу, как бы не отрекался от проблем своих подданных Император, этому человеку, казалось, нет никакого дела. Сяоху Дань улыбнулся:

— Не смейтесь надо мной, Ваше Высочество, я ведь вторую ночь от страха не могу спать.

Однако Третий принц рассмеялся лишь громче:

— Не можешь спать? В самом деле? Ох, и натерпелся ты страху, братец!

Люди вокруг подхватили веселье Фу Цзяня, сунули в руки Сяоху Даню бокал с бледным, словно вода, вином, и поддержали Третьего принца подобострастными голосами. В мельтешении фраз казалось, что произошла в самом деле сущая безделица.

Через время человек по другую сторону от Третьего принца, что облачен был в простую конфуцианскую мантию и гуанжин, обратился к Сяоху Даню. Он почти не пил и сидел, прикрыв глаза, будто погрузившись в глубокую задумчивость: даже когда зазвучал его низкий, неторопливый голос, мужчина не поднял взгляда.

— Господин Сяоху, что вы думаете об этом нападении? Не считаете ли вы в самом деле, — мужчина приоткрыл глаза, бросив на Сяоху Даня чуть насмешливый взгляд. — Что это был простой грабеж?

Сяоху Дань почтительно ответил:

— Наставник Минь, мой дом даже на улице на самый богатый, к тому же стоит в ее центре: грабители выбрали бы другое поместье, если бы желали утащить что-то. Кроме того, я проверил вещи — ничего не украдено.

— Как странно, — вступился Третий принц. Сяоху Дань посмотрел на него и склонил голову:

— Если бы дело было простым, я не бы не посмел тревожить по нему Ваше Высочество.

Фу Цзянь задумчиво взглянул в свою полупустую чашу:

— О чем же братец Сяоху думает? Неужели кто-то стал тебе врагом?

— Ваше Высочество знает, что я человек ничтожный и ко всем отношусь с равным почтением, никого не желая обидеть. Однако вот уже больше недели один человек всеми силами чинит мне препятствия...

— Обвинить в произошедшем Великого хоу — дело очень серьезное, — прямо сказал наставник Минь. — Есть ли у вас иные доказательства?

Сяоху Дань не знал, что ответить: кроме чутья торговца и собственных эфемерных выводов ему нечего было предоставить как доказательство. Наставник Минь обучал Третьего принца и был самым доверенным его приближенным и, если кто-то желал получить помощь Фу Цзяня, первым делом требовалось переговорить с ним. Однако неожиданно сам Третий принц отставил свою чашу и широко улыбнулся:

— Тот ли это Великий хоу, который, отказав нашему покровительству, предпочитает выслуживаться перед Пятым братом? Он не знает высоты неба!

Наставник Минь тут же предостерег:

— Ваше Высочество, ввязываться в ссору с Пань Танем, которого выделяет сам Император...

— Конечно, я не стану прямо на него нападать, — отмахнулся Фу Цзянь. — Однако даже прославленному генералу в столице не позволено творить все, что вздумается, — Третий принц улыбнулся Сяоху Даню. — Расскажи-ка, братец, все, что тебе о нем известно.

Однако прежде, чем Сяоху Дань, приободрившись, открыл рот, в зал спешно вошел еще один человек. После обеда улицы столицы наполнил холодный осенний ветер, оттого простой пучок на голове юноши растрепался, а сам он выглядел запыхавшимся, будто бежал сюда, не разбирая дороги. Молодой человек был одет в богатые одежды, а черты его лица еще не лишились подростковой угловатости. Увидев его, Третий принц рассмеялся:

— Мин Цзе, куда ты торопишься? Это принц и не думал от тебя бегать!

— Ваше Высочество, — силясь отдышаться, попытался выдавить улыбку юноша. — Я только вернулся, как мне передали, что Ваше Высочество меня искал... Вот я и спешил...

— А, я лишь хотел пригласить тебя выпить с нами, — махнул рукой Фу Цзянь. — Ты как раз вовремя: сейчас братец Сяоху начнет рассказывать нам интересные истории!

Только теперь Мин Цзе осмотрел присутствующих и каждому вежливо кивнул. Он был младше всех тут, потому чувствовал себя чуть скованно и будто специально ссутулил плечи, стремясь казаться меньше. Однако знающий человек быстро бы заметил, что положением в ставке

Третьего принца юноша обладает удивительным: благородные господа смотрели на него с завистью или одобрением, а Фу Цзянь, ласково улыбаясь, усадил по правую от себя руку, рядом с Сяоху Данем. Щеки Мин Цзе покраснели от ветра, а глаза его, необычно для подростка темные, внимательно осматривали все вокруг. Он спросил:

— Что-то случилось, пока меня не было в городе?

— На поместье господина Сяоху напали грабители, — подсказал кто-то из свиты и Мин Цзе удивленно вскинул густые брови:

— Пань Тань совсем страх потерял?!

— С чего ты решил, что это он? — спросил Третий принц с довольной ухмылкой, словно знал, что Мин Цзе скажет так. Тот опустил взгляд, но рассказал:

— Разве последнее время не он всячески пакостит господину Сяоху? Кроме него кто решился бы на подобную дерзость? Из дома ведь ничего не пропало?

— Ни единой безделушки, — подтвердил Сяоху Дань.

— Каков Сяо Цзе проникательный! — восхитился Фу Цзянь. Тут же, ткнув юношу в бок, он принялся дразниться: — Если ты такой знающий, может, встретишься с Цзяньняньским хоу? Тебе одного взгляда будет достаточно, чтобы понять весь его замысел, а об остальном не волнуйся!

Пусть Третий принц лишь шутил, от его слов лицо Мин Цзе стремительно побледнело и цветом сравнилось с мрамором императорских покоев. Юноша всем телом вздрогнул:

— Нет-нет-нет, Ваше Высочество, я не смею! Я человек простой, откуда во мне храбрость встречаться с Великим хоу? Помилуйте!

Довольный поддразниванием, Фу Цзя рассмеялся:

— Ты такой умный, а пуглив, словно заяц! Мужчине надобно проявлять храбрость! — Третий принц ласково, словно ребенка, потрепал Мин Цзе по голове, и тут же спросил: — Как твоя поездка? Нашел этого... как ты там говорил?.. Отыскал его?

— Я нашел дом его семьи, но за порог меня не пустили, — ответил Мин Цзе и тут же с горькой улыбкой, в которой смешались разнообразные чувства, напомнил: — Его зовут господин Ли.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1702991>